

Пенелопа Фицджеральд

В открытом море

*Плыть по течению,
не прибегая к волевым решениям,
наслаждаясь теплым коконом любви
и весливости...*

ЛУЧШЕЕ
ИЗ ЛУЧШЕГО
КНИГИ
ЛАУРЕАТОВ
МИРОВЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ

Пенелопа Фицджеральд

В открытом море

«ЭКСМО»

1979

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Фицджеральд П.

В открытом море / П. Фицджеральд — «Эксмо», 1979

ISBN 978-5-04-097818-2

Пенелопа Фицджеральд – английская писательница, которую газета «Таймс» включила в число пятидесяти крупнейших писателей послевоенного периода. В 1979 году за роман «В открытом море» она была удостоена Букеровской премии, правда в победу свою она до последнего не верила. Но удача все-таки улыбнулась ей. «В открытом море» – история столкновения нескольких жизней таких разных людей. Ненны, увязшей в проблемах матери двух прекрасных дочерей; Мориса, настоящего мечтателя и искателя приключений; Юной Марты, очарованной Генрихом, богатым молодым человеком, перед которым открыт весь мир. И других удивительных обитателей плавучих домов, чья жизнь проходит на воде. Воде, которая одновременно может стать и раем, и адом.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-097818-2

© Фицджеральд П., 1979

© Эксмо, 1979

Содержание

Предисловие Гермiony Ли	6
Предисловие Алана Холлингхёрста к роману Пенелопы Фицджеральд «В открытом море»	8
Глава первая	14
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пенелопа Фицджеральд

В открытом море

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие Гермiony Ли «О творчестве Пенелопы Фицджеральд»

Когда в 1979 году в возрасте шестидесяти трех лет Пенелопа Фицджеральд неожиданно получила за роман «В открытом море» (*Offshore*) премию «Букер», она сказала друзьям: «Я же понимала, что я аутсайдер». Героями ее романов и биографических исследований тоже становились аутсайдеры: люди, не слишком приспособленные к жизни, – художники-романтики, исполненные надежд неудачники, непонятые любовники, сироты или просто чудаки. Ее привлекали именно такие персонажи, живущие как бы на самом краю, уязвимые, тонкие, не обладающие никакими привилегиями. Дети, женщины, пытающиеся самостоятельно противостоять любым трудностям, мужчины-неудачники, нежные, мягкие, но совершенно запутавшиеся. С ее точки зрения, мир вообще делится на «истребителей» и «истребленных». Она и сама признавалась: «Меня тянет к тем, кто уже от рождения числится в стане побежденных или потерявшихся в жизни». У этой писательницы всегда было тонкое чувство юмора, но трагическое мировосприятие.

Близко к сердцу она принимала и жизненные истории литературных аутсайдеров – писателей и поэтов, зачастую недооцененных, а то и вызывавших кое у кого идиосинкразию, но обладавших яркими, отчетливо звучащими голосами; это и романист Дж. Л. Карр¹, и поэт Гарольд Монро² из «Poetry Bookshop», трагическая поэтесса Шарлотта Мью³. Пенелопа Фицджеральд активно участвовала в работе издательства «Вираго» по возвращению к жизни незаслуженно забытых писательниц и под эгидой этого издательства выступила в защиту романистки девятнадцатого века Маргарет Олифант⁴. Ее также восхищало творчество эксцентричной Стиви Смит⁵. Ей вообще всегда были интересны люди, в том числе и собратья по перу, которые как бы стояли под странным углом по отношению к остальному миру. Пенелопа Фицджеральд родилась в необычной литературной семье, принадлежавшей к английскому среднему классу, и унаследовала как евангелические принципы своих дедов-епископов, так и качества, свойственные ее отцу и дядьям, знаменитым братьям Нокс⁶: прямоту и честность, строгость и простоту, сдержанность в высказываниях, яркость и лаконичность языка, чуть суховатое чувство юмора.

Успеха Фицджеральд не ожидала, хотя цену себе знала. Да и ее писательскую карьеру трудно назвать обычной. Публиковаться она начала очень поздно, ей тогда было уже около шестидесяти, и за последующие двадцать лет выпустила в свет девять романов, три биографии и немало различных эссе, статей и рецензий. В начале своей деятельности она четыре раза меняла издателей и в итоге остановилась на издательстве «Коллинз»; у нее никогда не было литературного агента, который заботился бы о соблюдении ее интересов, но почти все издатели стали для нее друзьями и защитниками. В мире литературы Пенелопа Фицджеральд считалась «темной лошадкой», и для всех было большой неожиданностью, когда за свой третий роман она получила «Букера». Впрочем, и в последние годы жизни она неоднократно попадала

¹ Джеймс Карр (1912–1984) – британский писатель и издатель.

² Гарольд Монро (1879–1932) – британский поэт и владелец магазина «Poetry Bookshop» в Лондоне, который помог многим поэтам опубликовать свои произведения и представить их читателям.

³ Шарлотта Мью (1869–1928) – английская поэтесса, писавшая на стыке викторианской поэзии и модернизма.

⁴ Маргарет Олифант (1828–1897) – британская (шотландская) писательница, автор исторических романов и мистики.

⁵ Стиви Смит (1902–1971) – британская поэтесса, писательница и художница, известная своей «поэзией бессмыслиц», родственной Л. Кэрроллу.

⁶ Эдмунд Нокс (отец П. Фицджеральд) – редактор популярного журнала «Панч»; Рональд Нокс – священник и писатель, автор детективных романов; Алфред Нокс – филолог-классик; Уилфред Нокс – филолог-библиист.

в шорт-лист кандидатов на эту премию, а также завоевала несколько других британских литературных премий, заняв весьма почетное место в литературном мире, а к восьмидесяти годам стала настоящей знаменитостью – после выхода в свет романа «Голубой цветок», получившего в США премию Национального круга книжных критиков.

И все же Пенелопа Фицджеральд всегда слыла человеком тихим. У нее, безусловно, был свой круг любящих и пристрастных читателей, но знаменитостью она себя отнюдь не чувствовала, да и не хотела этого. Ее изящные, даже какие-то хрупкие, романы всегда отличались известной компактностью. В них немало смешного, но немало и мрачного. Они проникновенны и чисты, но в них никогда ничего не говорится «в лоб», а очень многое и вовсе остается невысказанным. Берет ли Пенелопа Фицджеральд за основу произведений собственный опыт – свою работу на Би-би-си во время лондонского Blitz⁷, или попытку добиться успеха, открыв книжную лавку в маленьком городке Саффолка, или те несколько лет в начале 1960-х, когда ей пришлось жить на протекающей барже, пришвартованной в одном из затонов Темзы, или преподавание в детской театральной школе, – или же, как в ее последних четырех романах, не только возвращается назад по временной оси, но и порой покидает пределы Англии, с удивительной аутентичностью воссоздавая тот или иной интересующий ее исторический период, в каждом из этих случаев ей удается создать целый мир, причем удивительно экономными средствами. Казалось бы, действие ее романов развивается в весьма небольшом пространстве, но неким волшебным образом всегда выходит далеко за его пределы.

После смерти Пенелопы Фицджеральд – а умерла она в 2000 году в возрасте 83 лет – ее необычный тихий голос вполне может постепенно смолкнуть, утонув в забвении. Однако от забвения писательницу уберегли верные душеприказчики и поклонники ее таланта. Вскоре за посмертной публикацией рассказов, эссе и писем Фицджеральд в издательстве «Чатто и Уиндус» вышла в свет ее биография (*Penelope Fitzgerald: A Life*, by Hermione Lee, Chatto & Windus, 2013), а затем последовали и долгожданные переиздания романов писательницы, где авторами предисловий выступили современные талантливые люди, доказывающие, что сегодня у Фицджеральд есть вполне достойные последователи. И я очень надеюсь, что теперь многие новые читатели смогут открыть для себя, а затем и полюбить произведения Пенелопы Фицджеральд, одной из самых завораживающих английских писательниц XX века.

⁷ Лондонский блиц, бомбежка Лондона – ночные налеты немецко-фашистской авиации в 1940–1941 гг. во время «битвы за Англию» (Battle of Britain).

Предисловие Алана Холлингхёрста к роману Пенелопы Фицджеральд «В открытом море»

«Все, чему учишься, полезно, – говорит героиня романа, одиннадцатилетняя Марта. – Разве ты не знал, что все знания, которые получаешь, и все страдания, которым подвергаешься, когда-нибудь непременно пригодятся?» А ее сестренка Тильда сердито заявляет, что Марта всего лишь повторяет, как попугай, умные проповеди их школьной наставницы, матери Игнatii, хотя, пожалуй, устами этой учительницы говорит сама Пенелопа Фицджеральд. Все ее книги – это плоды зрелого жизненного опыта, глубоких размышлений и мимолетных прикосновений к сокровищнице накопленных ею знаний. И все они отражают новое ощущение тех возможностей, которые могут появиться лишь в зрелом возрасте после тяжких утрат и сложных перемен. Так, первую свою книгу Фицджеральд написала лишь после смерти отца, Эдмунда Нокса, умершего в 1971 году; это была биография художника Эдварда Бёрн-Джонса⁸, опубликованная в 1975 г., когда писательнице уже исполнилось пятьдесят девять лет. А одним из главных героев ее следующей книги, замечательной объединенной биографии «Братья Нокс», вышедшей в 1977 г., стал ее отец. В обеих работах перед читателем раскрывается широкая картина долгой жизни прекрасных талантливых людей, непосредственно связанных с яркой артистической, интеллектуальной и духовной средой тех лет и поколений, которые предшествовали поколению самой Пенелопы Фицджеральд, для которой живым воплощением этой среды была ее собственная – поистине необыкновенная – семья. В те же годы выходит и первое крупное художественное произведение писательницы – роман «Золотое дитя», написанный ею специально для того, чтобы развлечь мужа Десмонда в последний год его жизни. Он умер в 1976-м, и все последовавшие за этим работы Фицджеральд – восемь романов, рассказы, еще одна биография и множество блестящих журналистских работ – были плодом ее четвертьвекового вдовства.

В качестве романиста Пенелопа Фицджеральд сначала напрямую обратилась к собственному жизненному опыту, обнаружив, что при изменившихся обстоятельствах и перспективах более позднего периода своей жизни у нее появилась возможность по-иному оценить определенные эпизоды и события прошлого, придав им форму литературного произведения. А жизнь ее в прошлом складывалась зачастую весьма непросто и не слишком удачно. В итоге те годы, когда она работала в книжном магазине «Саутуорлд», послужили питательной средой для романа «Книжная лавка» (*The Bookshop*, 1978), а роман «В открытом море» (*Offshore*, 1979) связан с наиболее трудным и наименее обеспеченным периодом ее жизни, когда ей пришлось жить на старой барже, некогда плававшей по Темзе, а ныне пришвартованной в затоне Баттерси-Рич на южном берегу реки; чуть позднее в романе «Голоса людей» (*Human Voices*, 1980) она рассказала о том, как во время войны работала в компании Би-би-си, а в романе «У Фредди» (*At Freddie's*, 1982) – этот ее роман более всего богат юмором, и там комизм буквально бьет через край, – поведала читателям, как ей довелось преподавать в школе сценического искусства «Италия Конти». В романе «В открытом море» тоже есть смешные места, хотя по тональности это, пожалуй, наиболее переменчивое из ее произведений. Сама Фицджеральд называла его «трагифарсом».

В центре повествования молодая канадка Ненна Джеймс, которая в итоге вынуждена признать, что муж-англичанин, бросивший ее и двоих детей, больше никогда к ним не вернется. Скрипачка Ненна (она окончила консерваторию) так и не сумела пока воплотить в

⁸ Эдвард Бёрн-Джонс (1838–1898) – британский художник, близкий к поздним прерафаэлитам, а также знаменитый автор книжных иллюстраций и витражей.

жизнь свои артистические задатки и стремления и в данный момент живет с двумя дочерьми в так называемом плавучем доме, а точнее – на старой барже, кое-как приспособленной для постоянного проживания и носящей говорящее имя «Грейс», что значит «милосердие». Опыт жизни на подобной барже имелся и у самой Фицджеральд, но героиня ее романа и замуж вышла, и детей родила куда более молодой – Ненне всего тридцать два года, а ее старшей дочери уже одиннадцать; подобная расстановка акцентов как бы напоминает читателю, одновременно предостерегая его, что Фицджеральд любит весьма произвольно выбирать и представлять моменты собственной жизни, ибо сама она, как известно, вышла замуж в двадцать пять и родила троих детей, а на Темзе прожила два года, когда ей было уже за сорок. События, связанные в романе и с личной жизнью самой Ненны, и с жизнью тех, кто находится с нею рядом, помогают понять и характер главной героини, и характеры ее соседей, обитателей таких же старых судов, между которыми с борта на борт перекинуты сходни. Если в романе «Книжная лавка» Фицджеральд, выбрав героиней женщину крайне уязвимую, страдающую явной нехваткой собственной «истории», да еще и угодившую в весьма сложные неустойчивые обстоятельства, рассказывает о ней с почти готическими преувеличениями и романтическим простодушием, то в романе «В открытом море» уже отчетливо видна рука зрелого мастера, способного немногословно и четко обрисовать судьбу человека с помощью нескольких мимолетных мазков кисти или осторожно упомянутых деталей. Уже в самом начале на сцене появляются почти все действующие лица, владельцы соседних плавучих домов – умный, точнее, находчивый Ричард Блейк и его разочарованная и абсолютно сухопутная жена; гомосексуалист Морис, оказывающий «клиентам» платные услуги и способный ужиться буквально со всеми; старый художник-маринист Сэм Уиллис, которому очень хочется продать свое жалкое судно раньше, чем оно успеет окончательно пойти ко дну, – однако этот «групповой портрет» продолжает постоянно меняться, ибо перемены и непрерывное движение составляют суть данной книги, а ее автор, ловко обходя мели, движется в фарватере своего повествования с неизменными мудростью, легкостью и остроумием. Именно романом «В открытом море» Пенелопа Фицджеральд окончательно доказала свое писательское мастерство и силу. В нем, пожалуй, наиболее ярко проявились и ее основные литературные принципы: «скромность, тонкость и экономность».

Сама она относилась к той категории писателей, которых «тянет к тем, кто уже от рождения числится в стане побежденных или потерявших в жизни... готовых принять условия, которые навязывает им окружающий мир, хотя и не всегда способных этим условиям подчиниться, несмотря на все их мужество и невероятные усилия...» «Собственно, я и пишу для того, чтобы стать голосом таких людей», – говорила она. В романе «В открытом море» обитатели старых барж – «существа, не принадлежащие ни суше, ни воде», – могут, конечно, стремиться к иным, «более разумным и адекватным», условиям жизни, которые сулит им соседний богатый район Челси. «Но жители Баттерси-Рич, предприняв очередную попытку стать такими же, как другие люди, и в очередной раз потерпев весьма огорчительную неудачу, вновь были вынуждены отступить и продолжали существовать в той грязной прибрежной полосе, где на поверхности воды плавало множество самого разнообразного мусора, выброшенного приливными волнами, и где давно уже стояли на якоре их старые баржи». Впоследствии Фицджеральд писала, что, к сожалению, смысл названия этого романа часто интерпретируют как «вдали от берега», тогда как его суть в том, сколь неустойчивы, неосновательны жилища, эти жалкие старые баржи, стоящие на якоре всего лишь в нескольких ярдах от берега, сколь «эмоционально подвижны, беспокойны герои моего романа, одновременно испытывающие и потребность в защите, и весьма сомнительную тягу к опасным приключениям».

Причины для этого, разумеется, у каждого из них свои, и одни лучше, другие хуже справляются с жизненными трудностями – Фицджеральд, как всегда, остро чувствует проблемы и состояние тех, кто попал в трудное положение. Созданные ею тонкие, психологически точ-

ные портреты обитателей плавучих домов свидетельствуют о том, как хорошо она знает их жизнь, с каким сочувствием относится к их привычкам и обычаям, которым они издавна следуют, но которые в итоге неспособны их спасти. Практичный Ричард, советуя бедолаге Уиллису хорошенько подготовить судно перед продажей, просто не в состоянии понять, с кем имеет дело, «тщетно пытаясь помочь тому, кто никогда не ощущал ни физической, ни душевной потребности что-либо в своей жизни менять». На самом деле Уиллис давно уже сомневается «в целесообразности любых новых начинаний, доверяя лишь умению людей держаться вместе». (Но в итоге «новое начинание» – или, точнее, весьма драматические перемены – все же будет ему навязано.) Ненна более чутко реагирует на собственные просчеты и, понимая, что порой здравый смысл ей изменяет, выступает в качестве ответчицы на воображаемом суде и вынуждена подчиниться доводам судьи, когда тот подвергает безжалостному разбору ее представления о браке и его возможных перспективах. Даже такой обеспеченный, энергичный и достойный человек, как Ричард, принадлежащий «к тому типу мужчин, у которых даже в половине четвертого утра всегда имеется при себе пара чистых носовых платков», трогательно изображен как жертва привычек, насажденных ему обществом и службой на флоте: «...мысль об этом... похоже, и объединила обе мучившие его проблемы; теперь они представлялись ему в виде некой единой структуры, работающие части которой пребывают в тесном взаимодействии». Ситуация трагифарса заставляет всех героев романа постоянно пребывать в движении, а поставленные этой ситуацией двусмысленные условия никогда не завершаются приходом в статичное состояние. В одной из статей, написанной лет через десять после выхода романа, Фицджеральд призналась, что реальный прототип Мориса, «некий элегантный молодой мужчина-натурщик», жил с ней рядом на соседнем судне и всегда старался поднять ей настроение, а однажды даже повез ее, усталую, потрепанную жизнью женщину средних лет, на целый день в Брайтон; к сожалению, вскоре после той поездки он вновь вернулся в Брайтон и там утопился. «Но когда я превратила его в одного из героев романа... – писала Фицджеральд, – у меня не хватило духу позволить ему убить себя. Ведь это означало бы, что он потерпел полный крах в жизни, тогда как на самом деле он со своей добротой был – по крайней мере, в моих глазах – самым настоящим символом успеха». Подобные личные, изменчивые, а порой и взаимоисключающие оценки как раз и лежат в основе того, как изображает писательница взаимоотношения между людьми.

А еще в романе есть две маленькие девочки. Дети в произведениях Фицджеральд часто проявляют удивительную, лишенную иллюзий зрелость, которой так не хватает окружающим их несчастливым представителям старшего поколения. И все они – от десятилетней Кристины Гиппинг из «Книжной лавки», которая говорит бездетной вдове Флоренс, что «жизнь ее обошла», до невозмутимой и «на редкость ответственной» двенадцатилетней Долли из «Начала весны» (*The Beginning of Spring*) – как бы берут на себя роль организаторов общества и носителей истины; именно они первыми разгадывают тайну разлада, возникшего между их родителями. «Они необычные детишки, – говорит приехавший в гости дядюшка Долли, – вряд ли, например, нам с Нелли когда-либо разрешали так же свободно участвовать в беседах взрослых». Предшественников тех детей, какими они изображены в романах Фицджеральд, можно, наверное, отыскать у Айви Комтон-Барнетт⁹, в описанных ею детских комнатах и школьных классах. Однако своему другу, который находил образы детей в произведениях Пенелопы Фицджеральд «поистине драгоценными», писательница возразила так: «Я с этим не согласна... Они в точности такие же, как и мои собственные дети; те тоже всегда все замечали». И все же эти «романные» дети не могут быть точно такими же, как дети реальные; а также, возможно, кое-какими чертами своих характеров они обязаны и тем, порой излишне самоуверенным, учени-

⁹ Айви Комтон-Барнетт (1884–1969) – британская писательница, автор романов из семейной жизни миддл-класса в поздневикторианской или эдвардианской Англии.

кам детской школы театрального искусства, где преподавала Фицджеральд; именно их она так ярко изобразила в романе «У Фредди», на страницах которого они целыми абзацами изъясняются на своем особом жаргоне, с маниакальной решительностью рисуя свою грядущую, непременно успешную карьеру. А детей в романе «В открытом море» Фицджеральд рисует одновременно и подражателями (т.е. «обезьянами»), и самобытными творческими личностями (т.е. «чудаками»).

В Марте и Тильде воплощены два самых симпатичных и любимых писательницей детских характера. Единственные дети на всем пространстве романа, они также служат ей – поскольку вечно прогуливают школу – средством и способом показать жизнь их родного причала и его историю. Шестилетняя Тильда, для которой весь мир – река, вдумчиво изучает этот мир со своего наблюдательного поста на верхушке мачты, возвышающейся над палубой баржи «Грейс»; она долгие часы проводит в мечтах, этаких снах наяву, в которых отражается и прошлое, и будущее. Разумеется, сегодня вы, приехав в Баттерси-Рич, с изумлением увидите, что берега Темзы выглядят совсем иначе, чем пятьдесят лет назад, когда Фицджеральд и сама жила там на старой барже; теперь, например, почти совсем не ощущается блеск того поздневикторианского Челси, который столь отчетливо чувствуют маленькие герои романа. Теперь на берегу на переднем плане возвышаются высотное здание Совета и прочие стеклянные зиккураты, а также кондоминиумы в форме парусов, да и суда, что стоят на якоре чуть выше моста Баттерси-Бридж, где была пришвартована баржа «Грейс», выглядят куда более достойными и процветающими. В этих местах, между прочим, в течение почти всего девятнадцатого века находился большой «Лодочный двор Гривза», и два поколения членов семейства Гривз служили там лодочниками – они много раз возили Тёрнера, а затем и Уистлера¹⁰, сумевшего уловить характер старого деревянного моста Баттерси-Бридж, написанного им прямо из лодки молодого Уолтера Гривза; его, кстати, Уистлер тоже научил писать красками и делать гравюры, и он вполне успешно изображал различные бытовые сценки на реке, используя приемы, показанные ему художником. Именно прекрасный ноктюрн Уистлера «Синее и Золотое: старый Баттерси-Бридж», на котором замечательно воспроизведена самая грязная и неряшливая часть Темзы, старый художник Уиллис и показывает Тильде во время их похода в галерею Тейт¹¹. «Уистлер был очень хорошим художником... – говорит девочке Уиллис и прибавляет, подчеркивая практическое видение художником изображаемого предмета: – Видишь, как раз начинается прилив, и этим решил воспользоваться вон тот лихтер...». Подобное отношение к описываемому предмету свойственно и самой Фицджеральд; и в данном случае она опирается на собственный, вполне реальный опыт, хорошо зная, что значит каждое покачивание и поскрипывание старых судов – эту науку за годы, проведенные на реке, она усвоила очень хорошо. И хотя в целом ее, пожалуй, можно было бы назвать осторожным лириком, но краткие и точные сведения о приливах и отливах, а также замечания о береговых и сигнальных огнях в ее устах производят не менее сильное, реалистичное впечатление, особенно описание сумерек, когда «казалось, что тьма поднялась прямо из реки, стремясь слить ее воедино с небесами», или рассвета, «того неуловимого часа, когда тьма, как бы рождаясь из тьмы, начинает подниматься над водой, и темные тени с каждой минутой превращаются в конкретные предметы, заявляя о себе то как дом, то как стоящее на якоре судно».

Столь же неуловимые взгляды в прошлое, как бы сквозь историю великой реки и живших на ее берегах людей, свойственны замечательному эпизоду с «кирпичной экспедицией» (глава

¹⁰ *Джозеф Тёрнер* (1775–1851) – английский живописец, график; крупнейший мастер романтического пейзажа. *Джеймс Уистлер* (1834–1903) – американский живописец, с 1855 г. живший во Франции и в Англии; был близок к французским импрессионистам.

¹¹ Лондонская галерея Тейт – богатейшее собрание картин английских мастеров, начиная с XVI века, и зарубежных художников XIX–XX вв., особенно импрессионистов и постимпрессионистов; основана в 1897 г., названа по имени основателя Генри Тейта.

б), во время которой Марта и Тильда с ручной тележкой пересекают Темзу по старому мосту Баттерси и направляются к водостоку близ древней церкви св. Марии, где еще до войны затонула баржа, перевозившая кирпичи и черепицу. Во время отлива здесь и сейчас еще можно отыскать рубиново-красные блестящие куски керамических плиток с клеймом Уильяма Де Моргана¹². «Эти изделия, – поясняет торговцу Марта, – относятся к одной из самых последних его серий, когда он перенес производство керамики в Сэндзенд и Фулем. Разве вы этого не знали?» Легендарные керамики, выкопанные из грязного речного песка – дракон с извивающимся хвостом, изящная «изображенная чуть гротескно» серебристая птица, – это также трофеи из мира Уильяма Морриса¹³ и прерафаэлитов, которых сама Фицджеральд ранее столь вдумчиво исследовала. В эссе о Де Моргане, написанном почти двадцать лет спустя, писательница вспоминает родственницу художника Вильгельмину Стирлинг¹⁴, «хранительницу очага», умершую на сотом году жизни в 1965 г., женщину «весьма значимую... даже героическую», которую она (как и Марта, а после нее и Тильда) посещала в Баттерси-хаусе, где «каждая стена и каждый уголок сияли разными красками». «Миссис Вильгельмина Стирлинг! Ей уже лет девяносто семь, не меньше», – объявляет шестилетняя Тильда, объясняя свои необычные для столь раннего возраста познания о керамике и как бы устанавливая через столетие связь с этой художницей. За выловленную из воды черепицу девочки получают в антикварной лавке на Кингз-роуд три фунта и отправляются в магазин покупать на вырученную сумму пластинку Клиффа Ричарда.

События, описанные в романе «В открытом море», относятся к 1961-му или к 1962 году (разница в дате несущественна, поскольку наши воспоминания о той или иной эпохе обычно формируются не раньше, чем лет через пятнадцать), так что, когда в 1979 году роман вышел в свет, эти события, как и связанные с ними настроения, уже успели стать относительно далеким прошлым. Генрих, австрийский подросток из обеспеченной семьи, имеющей большие связи, ненадолго появляется на «Грейс» в качестве гостя и прямо-таки ослепляет юную Марту своей безупречной внешностью и воспитанностью; ему более всего хочется попробовать на вкус возбуждающее воздействие «свингующего Лондона», этого огромного города, живущего новой, кипучей жизнью, и Марта ведет его на Кингз-роуд, которая «манила, точно пестрый цыганский табор своим пышным, хотя и слегка полинялым убранством и толпами театрального люда...». Здесь «рай для детей, буйство увеселений». Здесь антикварные лавки спокойно сосуществуют с изысканными бутиками, от которых «несет ладаном и грехом», а также с кофейнями, явлением для Лондона новым, где «сверкающая кофемашина... наливала в керамическую чашечку полтора дюйма горького напитка, и за два шиллинга влюбленные могли сидеть хоть несколько часов подряд, окутанные темно-коричневым полумраком, поставив между собой мисочку с коричневым сахаром». Это тот мир, «которому судьбой предначертано было просуществовать всего несколько лет, а потом чары будут нарушены»; это тот мир, который, как признается пожилая писательница, служил площадкой для игр и ее собственным детям, ныне, разумеется, давно ставшим взрослыми. И благодаря этим деликатным намекам перед нами возникает настоящий лабиринт пересекающихся жизненных линий, принадлежащих различным поколениям людей, и мы невольно чувствуем то напряжение, что свойственно грядущим переменам, но пока что находящимся в латентном состоянии. Именно это ощущение грядущих перемен всегда особенно привлекало Фицджеральд как писателя и принесло столь восхитительные плоды в виде ее последнего квартета – четырех исторических романов.

¹² Уильям Френд Де Морган (1839–1917) – выдающийся английский художник-керамист, открывший секрет старинного «люстра». В последние годы жизни он посылал свои керамики из Флоренции в Лондон.

¹³ Уильям Моррис (1834–1896) – английский художник, писатель, теоретик искусства; видел в искусстве средство преобразования общества; агитировал против машинного производства и за возрождение народных ремесел и ручного труда.

¹⁴ Вильгельмина Стирлинг (1865–1965) – английская писательница, основательница центра Де Моргана, родная сестра жены Уильяма Де Моргана, Эвелины Де Морган, известной художницы, последовательницы прерафаэлитов.

* * *

Из отзывов о книге «В открытом море»:

«Идеально сбалансированное произведение... по сути дела, литературный эквивалент акварелей Тёрнера».

The Washington Post

«Удивительная книга. В ней едва ли больше 50 000 слов – она написана с поистине маниакальной экономностью, отчего кажется даже еще короче, – однако в этих словах чувствуется невероятная сила, как бы загнанная внутрь, но то и дело прорывающаяся в форме небольших жестко контролируемых взрывов. «В открытом море» – восхитительное творение Пенелопы Фицджеральд, в котором есть мощь и гибкость, человечность и зрелость, щедрость и изящество».

The Sunday Times

«Роман, отличающийся хрупкой оригинальностью, прозрачностью, экспрессивностью и поистине восхитительными вспышками иронии».

The Observer

«Она создает такие литературные произведения, когда кажется, что идеал почти достигнут, причем делает это столь ненавязчиво, как умеет лишь истинный виртуоз, и ощущать ткань ее романов – чистое наслаждение».

London Review of Books

Посвящается «Грейс» и всем тем, кто на ней плавал и жил

Глава первая

– Итак, мы, видимо, должны предположить, что *Дредноут* просит нас совершить нечто недостойное? – спросил Ричард.

Дредноут радостно закивал; он был счастлив, что остальные так быстро его поняли.

– Это же просто для того, чтобы продажа могла состояться. По-моему, только так можно обойти возникшую проблему. Если, конечно, все присутствующие согласятся не упоминать о том, где у меня основная течь, или хотя бы не поднимать этот вопрос при покупателях, пока те напрямую не заинтересуются, есть ли на судне протечки.

– И в связи с этим вы, значит, хотите, чтобы мы утверждали, будто на вашем «Дредноуте» никакой течи нет? – терпеливо уточнил Ричард.

– Ну, «никакой» – это слишком сильно сказано...

Все собрания обитателей плавучих домов отчего-то естественным образом – столь же естественным, как приливы и отливы, – всегда проходили именно на этом судне, бывшем минном тральщике, великолепным образом переоборудованном под жилье и носившем имя «Лорд Джим». «Лорд Джим» уже одним своим видом служил постоянным и ощутимым упреком жителям соседних барж: он всегда сверкал безупречной чистотой и постоянно обновляемой серой краской; он обладал почти в два раза большим водоизмещением, чем прочие суденышки, горделиво возвышаясь над ними; и наконец, Ричард, его хозяин, в своем в высшей степени пристойном темно-синем блейзере точно так же возвышался среди собравшихся на палубе людей и явно среди них доминировал. Сам он, впрочем, никоим образом к этому не стремился, как не стремился и к связанной с этим ответственности за соседей. Однако старые баржи, стоявшие в затоне Баттерси-Рич, куда выходили окна многих прекрасных домов на набережной, всегда привлекали к себе особое внимание чиновников из Управления лондонским портом, в связи с чем обитателям этих барж требовалось, естественно, соблюдать вполне определенные и, в общем, необходимые нормы поведения. Впрочем, сам Ричард последним из всех людей на суше и на воде стал бы кому-то эти нормы навязывать. Но кто-то же должен был следить за порядком? А в данный момент никто из соседей Ричарда не смог бы этот священный долг исполнить. К счастью, ему самому объяснять, что такое долг, вовсе не требовалось. Понять это Ричарду давно помогли и служба во время войны в RNVR¹⁵, и собственный темперамент.

Однако ему не хотелось даже председательствовать на этом собрании. Он предпочел бы стать просто членом какой-нибудь второстепенной комиссии, но понимал, что владельцы плавучих домов – хотя далеко не все они были именно их владельцами, кое-кто всего лишь арендовал свое судно, – явно не из того теста, какое годится для формирования хоть какой-то комиссии. Между «Лордом Джимом», стоявшим на якоре почти под мостом Баттерси-Бридж, и старыми речными баржами, выстроившимися вдоль причала ярдов на двести выше по течению, ближе к заброшенным верфям и пивоваренному заводу, была, что называется, большая разница. Обитатели этих барж, существа, не принадлежащие ни суше, ни воде, может, и хотели бы выглядеть более респектабельно, но им это не удавалось. Все их надежды и устремления были связаны с тем берегом, где раскинулся район Челси и где в самом начале 60-х многие тысячи тамошних жителей имели и достойное занятие, и адекватную зарплату. Но жители Баттерси-Рич, предприняв очередную попытку стать такими же, как другие люди, и в очередной раз потерпев весьма огорчительную неудачу, вновь были вынуждены отступить и продолжали существовать в той грязной прибрежной полосе, где на поверхности воды плавало множество самого разнообразного мусора, выброшенного приливными волнами, и где давно уже стояли на якоре их старые баржи.

¹⁵ Royal Naval Volunteer Reserve – добровольческий резерв ВМС и резерв морской пехоты.

Биологически их можно было бы причислить к одному из многих видов «вполне успешно» существующих прибрежных существ. Во всяком случае, выгнать из обжитого логова их было бы нелегко. Но и продать свое судно, покинуть знакомый причал они не решались. Подобное они воспринимали как последний, отчаянный шаг – примерно те же чувства, наверное, испытывали амфибии, когда на заре всемирной истории вышли на сушу. Как известно, в результате этой попытки многие из их видов попросту перестали существовать.

Ричард оглядел прочный, обитый медными гвоздями стол и решил, что, пожалуй, собравшиеся за этим столом ведут себя наилучшим образом. В конце концов избежать этого собрания возможности не было; Уиллис сам обратился к ним с просьбой коллективно обсудить сложившуюся ситуацию и был готов тщательно учесть мнение каждого.

– *Рочестер? Грейс? Блуберд? Морис? Часы досуга? Данкерк? Неумолимый?*

Со стороны Ричарда было вполне корректно обращаться к людям по названиям принадлежащих им судов – так всегда было принято в порту, где все они с технической точки зрения и находились. Вот, например, Морис, очень милый молодой человек, едва успев появиться на Баттерси-Рич, сразу понял, что Ричард именно так всегда и будет их всех называть, а значит, к нему, Морису, прилипнет неприятная кличка *Dondeschiepolschuygen IV*¹⁶, позолоченными буквами написанная на носу его судна. Поэтому он мгновенно переименовал свою баржу в «Мориса».

Выступать первым не хотелось никому, и Уиллис, шестидесятипятилетний художник-маринист, владелец пресловутого «Дредноута», сидел и ждал, положив руки на стол, сторбившись и так втянув голову в плечи, что торчала только его макушка, увенчанная короной стоявших дыбом темных с сильной проседью волос. Затянувшееся напряженное молчание несколько разрядил лишь протяжный гудок какого-то судна, донесшийся из эстуария. Это был весьма специфический, свойственный лишь Темзе сигнал, буквально означавший «я начинаю движение». Прилив уже начался, но суда еще не поднимали якорей, оставаясь у причала.

Услышав у себя на камбузе негромкий шум, показавшийся ему важным, Ричард вежливо извинился и спустился вниз. Втайне он надеялся, что, вернувшись на палубу, обнаружит несколько большую активность среди собравшихся, которые, наконец, займутся обсуждением сложившейся ситуации, весьма, с его точки зрения, неловкой.

– Как ты тут, Лолли?

Лора что-то быстро крошила ножом, поглядывая в лежавшую перед ней поваренную книгу. Она одарила мужа усталым и чуть раздраженным взглядом своих больших глаз – это был взгляд типичной уроженки Централных графств, которая с первых дней жизни видела перед собой бесконечные, простирающиеся до самого горизонта акры пашен и пастбищ. Ее верность Ричарду – и он прекрасно это понимал – проявлялась в том, что до сих пор она никогда и никому (кроме самого Ричарда, разумеется) не жаловалась на то, что вынуждена жить в центре Лондона на каком-то старом судне, а не в симпатичном сельском особнячке. Раз в месяц Лора ездила домой, и ей каждый раз приходилось отбивать бесчисленные предложения родственников насчет «симпатичного особнячка» и уверять их, что у них с Ричардом все в порядке, а их соседи по причалу на Темзе – забавные и милые люди. Но перед мужем она никогда не притворялась, как и он перед ней. И все же Ричард, всегда спокойно оставлявший позади каждый очередной отрезок своей жизни, если считал, что с ним покончено, и всегда способный практически всему дать рациональное объяснение, в данном случае даже себе самому не мог объяснить, чем вызвана его нежная привязанность к «Лорду Джиму». Ведь он мог бы запросто позволить себе купить какой-нибудь дом, да и преобразование «Джима» в удобное жилище

¹⁶ Труднопроизносимый и непереводаемый буквально термин, обозначающий понятие «третий пол» и используемый для описания людей, которые по своей воле или в итоге общественного консенсуса не идентифицируются ни как мужчины, ни как женщины или же просто не укладываются в двоичную систему понимания пола.

обошлось весьма недешево. Но если река отвечала скорее его мечтам, даже не пытаясь вести разговор с его дневным «я», то и он считал, что ему вовсе не обязательно заводить с рекой подобные «дневные» разговоры.

– Мы почти закончили, – сообщил он жене.

Лора отбросила назад чуть влажные длинные волосы. Теоретически над ее внешностью трудилось много людей – «мой парикмахер, мой предыдущий парикмахер, мой доктор, мой второй доктор, к которому я пошла, когда поняла, что от первого проку нет», – но вне зависимости от их усилий Лора, с точки зрения Ричарда, всегда была прекрасна.

– Пожалуй, после установки новой вытяжки у нас на камбузе стало очень даже неплохо, тебе не кажется? – заметил Ричард. – Пару, конечно, еще многовато...

– Я тебя ненавижу. Не мог бы ты поскорее избавиться от этих людей?

А на палубе в этот момент выступал Морис, который довольно-таки сильно опоздал к началу собрания. Выступал он явно в поддержку Уиллиса, ибо был неисправим и вечно кому-то сочувствовал. Работал Морис в соседней пивной – он даже заключил с ее хозяином трудовое соглашение, – и его работа заключалась в том, чтобы под вечер подцепить там мужчину, «клиента», и привести его к себе на судно, а затем вернуть в лоно семьи. Но особого дохода это ему не приносило. Похоже, судьба от рождения закрыла ему доступ к доходным должностям, однако он – и тоже, видимо, с рождения – был абсолютно неспособен обижаться на судьбу ни за это, ни за что бы то ни было другое. Те, кому судьба Мориса была небезразлична, просто не могли объяснить ему, что так нельзя, и он продолжал совершенно одинаково относиться и к друзьям, и к врагам. Например, один весьма неприятный его знакомый постоянно использовал трюм «Мориса» для хранения краденого. Ричард и Лора, кстати, принадлежали к числу тех немногочисленных обитателей плавучих домов, которым об этом известно не было. Сам же Морис оказанной ему «честью» чуть ли не гордился: еще бы, ведь этот Гарри был для него не «клиентом», а просто знакомым, который *попросил его об одолжении*, ничего не предложив взамен.

– Мне нужно будет предупредить Гарри, чтобы он не вздумал вести разговоры о ваших протечках, – сказал Морис.

– А что он в этом понимает? – спросил Уиллис.

– Вообще-то, он на Торговом флоте служил. Если покупатели станут осматривать «Дреднот», они и его могут спросить, какого он мнения об этом судне.

– Я ни разу не видел, чтобы он хоть с кем-то здесь разговаривал. Да он, по-моему, и бывает у вас нечасто, не так ли?

Вдруг «Лорд Джим» как-то нервно встряхнулся, содрогнувшись от носа до кормы, и сильно накренился. Впрочем, ничего не упало, поскольку на судне все всегда было надежно закреплено. Но сам «Лорд Джим» снова сильно вздрогнул и покачнулся на мощной приливной волне.

Люди, сидевшие вокруг стола, тоже, естественно, почувствовали эту дрожь, пронизавшую судно. Теперь в течение последующих шести часов или, может, чуть меньше, потому что прилив в Баттерси обычно длится пять с половиной часов, а отлив – шесть с половиной, все они уж точно будут жить не на суше, а на воде. И каждый, разумеется, сразу вспомнил все заплатки, деформации и дыры в теле своего судна, чувствуя их так же остро, как если бы это были болезни и недостатки его собственного организма. Люди и боялись немного возвращения на свою родную развалюху, и с каким-то болезненным рвением стремились поскорее снова туда попасть и проверить, не дало ли их судно новую течь после того, как они в последний раз его смолили и конопатили. Речные баржи на Темзе практически лишены киля и могут ходить даже там, где глубина не превышает нескольких дюймов. Единственным исключением в собравшейся на палубе компании был некто Вудроу, владелец судна «Рочестер» и бывший

директор какой-то маленькой компании, ныне вышедший на пенсию. Вуди был прямо-таки фанатическим сторонником правильной эксплуатации судна, и хотя приливная волна никаких реальных бед ему не сулила, он все же каждый раз трепетал от нетерпения в ожидании отлива, поскольку «Рочестер», как ему казалось, обладал на редкость красивыми очертаниями, причем не только в надводной части, но и в подводной, а теперь целых двенадцать часов никто не сможет любоваться тем, что у «Рочестера» ниже ватерлинии.

Про каждую из старых барж, стоявших в затоне Баттерси-Рич, было известно, что даже за самым слабым, но зловещим звуком – не громче стука захлопнутой дверцы буфета – вполне могут последовать и куда более громкие и тревожные трески, издаваемые обшивкой судна, палубными досками, балками и наветренным бортом; порой все эти звуки сливались в громopodobные залпы или многоголосые стоны, казавшиеся почти человеческими. Это кричали и стонали в ожидании своих хозяев безумные старые суденышки, легко вздымаемые волнами прилива, поскольку никакого груза в трюмах у них не имелось.

Ричард, будучи неплохим командиром, даже сквозь прочную тиковую переборку сразу почувствовал напряжение, возникшее среди тех, кто собрались у него на палубе. Если бы в давние времена он был мореплавателем и ходил на своем корабле по дальним морям, то команда никогда не сумела бы застигнуть его врасплох, предприняв, скажем, попытку мятежа.

– Я, пожалуй, пойду и объявлю собрание закрытым, – заявил он жене, – пусть отправляются по своим делам.

– Если хочешь, можно пригласить кого-нибудь к нам и немного выпить, – предложила Лора. – Если, конечно, там есть кто-то подходящий.

Она часто бессознательно подражала интонациям своего отца; и порой, как и ее отец, слишком много пила от скуки. Но сейчас Ричарда буквально переполняла благодарность и нежность к жене.

– А я сегодня «Кантри Лайф»¹⁷ купила, – сообщила она.

Но Ричард уже успел это заметить. На «Лорде Джиме» поддерживался такой идеальный порядок, что любая новая вещь сразу становилась заметной. Журнал был открыт на странице с объявлениями о продаже земельной собственности и фотографией чудесной лужайки с кедровым деревом, от которого падала роскошная тень; на заднем плане виднелся дом квадратного сечения, который как бы пояснял, в чем, собственно, смысл этой лужайки. Похожие фотографии, где варьировались лишь размеры дома и название графства, публиковались в «Кантри Лайф» из месяца в месяц, и создавалось впечатление, что те, кто читает этот журнал, принципиально выше перемен или же сам журнал никаких подобных перемен не признает.

– Да нет, Ричард, меня совсем не этот дом заинтересовал, а чуть дальше, через несколько страниц. Там предлагается несколько домов, и все они значительно меньшего размера, – затараторила Лора.

– Я могу, например, предложить Ненне Джеймс заглянуть к нам после собрания, – сказал Ричард. – Я Ненну с «Грейс» имею в виду.

– Вот как? Ты считаешь ее хорошенькой?

– Как-то никогда ее с этой стороны не оценивал.

– А разве муж от нее еще не ушел?

– Боюсь, я не в курсе их семейных дел.

– Наш почтальон раньше говорил, что писем на «Грейс» ему носить практически не приходится.

«Раньше» – потому что теперь почтальон больше никому не носил писем; это случилось после того, как он дважды свалился на «Морисе» с плохо закрепленных сходней, и вся утрен-

¹⁷ Country Life – иллюстрированный еженедельный журнал, рассчитанный преимущественно на читателей из среды землевладельцев и фермеров. Издается в Лондоне с 1897 г.

няя почта пропала, угодив в грязные замусоренные воды великой реки. Вот тогда Главное почтовое управление с полным на то основанием и уведомило обитателей плавучих домов с Баттерси-Рич, что доставка почты к ним более осуществляться не будет. Они признали, правда, что в обоих случаях мистер Блейк с судна «Лорд Джим» спас их сотруднику жизнь, и даже выразили желание принести ему официальную благодарность. Но письма с тех пор обитатели барж были вынуждены сами забирать из почтового офиса, и у Лоры порой возникало впечатление, что они живут за границей; во всяком случае, такая жизнь казалась ей не намного лучше, чем на чужбине.

– Мне кажется, Ненна – неплохой человек, – продолжал развивать свою мысль Ричард. – Нет, правда, очень даже неплохой. Хотя вряд ли мне захотелось бы остаться с ней наедине. Даже ненадолго.

– Интересно, почему?

– А потому, что я не уверен в том, как именно она может себя повести: вдруг у нее истерика случится или она, скажем, начнет одежду с себя срывать. – На самом деле нечто подобное однажды с Ричардом действительно случилось в офисе «Нестор и Сейдж», компании советников по инвестициям, где он работал. И теперь там хотели даже полностью сменить интерьер, сделав помещение офиса более открытым и современным.

Вернувшись на палубу, Ричард объявил, что собрание окончено, и все сразу вздохнули с облегчением. Стоя в дверях рубки и твердо держась на ногах, хотя судно уже довольно сильно качало, Ричард уже одним своим видом давал им понять: любые обстоятельства, какими бы сложными они ни казались, всегда можно успешно разрешить. И дело было вовсе не в том, что Ричард был так уж в себе уверен или казался таковым; просто он всегда умел трезво оценивать возможные перспективы.

Уиллис горячо благодарил молодого Мориса за поддержку:

– О, вы так удачно выступили... друзья, как говорится, познаются в беде...

– Рад был помочь.

Но Уиллис, уже вылезая из-за стола, все-таки не удержался и сказал:

– А знаете, я все-таки не верю, что этот ваш знакомый когда-нибудь на Торговом флоте служил.

В общем, вопрос о продаже явно оказался в подвешенном состоянии, понял Ричард. Решительно, но вежливо он проводил членов этой обветшалой ассамблеи к сходням, как всегда, испытывая огромное облегчение, оттого что вновь оказался на палубе. Первые осенние туманы уже окутали причал, не давая возможности видеть его во всю длину. Вокруг «Лорда Джима» крошечными лодочками лениво кружили морские чайки, и борт у ватерлинии был весь облеплен белыми перьями.

– У вас в любом случае еще есть время, чтобы потихоньку устранить беспокоящие неполадки, – сказал Ричард Уиллису, – ведь продать такое старое судно непросто, да и вообще это дело долгое. У вас ведь основная течь где-то в кормовой части, не так ли?.. и, по-моему, постоянно работают все четыре насоса?.. по одному у каждого кингстона?

Однако мнение Ричарда о состоянии «Дредноута» было столь далеко от действительности, что Уиллис счел за лучшее ничего ему не объяснять и отделался довольно странным жестом, отчасти напоминавшим попытку старшины отдать честь капитану. А затем поспешил вслед за остальными, ибо они уже сошли по сходням на причал и потихоньку тащились к своим домам. Всю центральную часть причала обычно занимали мелкие суда, используемые в основном только летом; теперь почти все они уже приготовились зимовать здесь, и некоторые, дважды пришвартованные, были заботливо укрыты брезентом от грядущей непогоды. Эти суденышки принадлежали так называемым любителям хорошей погоды. Из-за них обитателям старых речных барж приходилось далеко тащиться, почти до территории пивного завода, а затем через бак «Мориса» или «Грейс» перебираться по сходням на свои суда. Вуди, например,

был вынужден преодолевать несколько таких препятствий – переходя с «Мориса» на «Грейс» и на «Дредноут», – чтобы добраться до своего «Рочестера», поскольку непосредственно рядом с причалом был пришвартован один лишь «Морис».

Как раз в этот момент мимо проплывал, ярко светясь огнями, один из последних в этом сезоне прогулочных пароходов, направлявшийся в Кью¹⁸. «А вот и Баттерси-Рич, леди и джентльмены. Справа от вас колония художников. На этих судах люди живут постоянно, точно так же, как в Париже на Сене. Они здесь, знаете ли, ведут абсолютно богемный образ жизни, свойственный художникам. Да-да, уверяю вас, на этих старых баржах действительно живут люди!»

После собрания Ричард отвел в сторонку Ненну Джеймс.

– Мне было бы очень приятно, если бы вы согласились заглянуть к нам ненадолго и немного выпить. И Лора тоже очень надеялась, что вы будете не против...

Ненна отличалась довольно сложным характером, однако благодаря особому инстинкту почти сразу могла понять, отчего тот или иной человек несчастлив; этот инстинкт изменил ей лишь однажды – в случае с ее собственным мужем. Однако сейчас она прекрасно видела, как сильно Ричард огорчен неудачным собранием, где, собственно, так и не было дано никакой оценки неприятной ситуации с «Дредноутом», да и саму эту ситуацию толком не обсудили.

– Хорошо бы поточнее узнать, который сейчас час, – сказала Ненна.

И доставила этим Ричарду огромное удовольствие – ему всегда бывало приятно что-либо установить с максимальной точностью. Точное время! В таком случае Ненна, возможно, захочет взглянуть на его хронометры? На небольших судах хронометры частенько давали сбой – сказывались и температурные колебания, и, разумеется, вибрация, – но у Ричарда они работали идеально; он мог бы сообщить Ненне не только точное время, но и высоту прилива, а также уровень воды под каждым мостом на Темзе. К сожалению, редко кого интересовали подобные вещи.

Подавая в отверстие люка поднос с бутылками и бокалами, а также большое блюдо со всевозможными закусками, Лора заметила:

– Чем это у нас здесь так странно пахнет?

На палубе действительно отчетливо чувствовался запах вара; этот запах постоянно тянется повсюду за владельцами старых барж, поскольку значительную часть дня они посвящают текущему ремонту.

– Хорошо, дорогая, если тебе так не нравится этот запах, давайте пройдем на корму, – предложил Ричард, подхватывая поднос. Он никогда не позволял женщинам носить что-либо тяжелое. И все трое перебрались в кокпит, уютное помещение со встроенными шкафчиками и рундуками, на которых были разбросаны красные подушки. В углу неярко светился маленький обогреватель, тщательно отрегулированный и поддерживавший оптимальный уровень тепла.

Лора, тяжеломерно плюхнувшись на сиденье, передала Ненне высокий стакан с джином и спросила:

– Скажите, как вам теперь живется – без мужа? Я, вообще-то, часто об этом задумываюсь.

– Может быть, хотите еще немного льда? – перебил жену Ричард. Льда на столе имелось в избытке.

– Видите ли, мой муж меня не бросал, – заверила Ненна. – Просто так получилось, что мы не вместе.

– Ну, вам, разумеется, лучше знать. Меня, собственно, интересовало, как вы без него справляетесь? Сейчас ведь такие холодные ночи... и, пожалуйста, не обращайтесь на Ричарда – ведь если вдуматься, это скорее комплимент в его адрес.

¹⁸ Западная часть Лондона, где расположен большой ботанический сад Кью-Гарденз, основанный в 1759 г.

Ненна смотрела то на одного, то на другого и, пожалуй, испытывала даже облегчение, получив возможность поговорить о своих проблемах.

– Ну да, я тоже не умею делать многое из того, чего женщинам попросту уметь не дано, – призналась она. – Например, не умею переворачивать страницы «Таймс», чтобы они ложились ровно, не умею так аккуратно свернуть карту, чтобы все изгибы непременно совпали, не умею ровно вбить гвоздь, не могу одна войти в бар, заказать выпивку и не думать при этом, какое впечатление произвожу на присутствующих, а еще я не умею зажигать спички по направлению к себе. Зато у меня хорошее образование и двое детей, и в целом я справляюсь очень даже неплохо, потому что есть еще много разных жизненно необходимых вещей, которые я делать умею; но того, что я только что перечислила, я делать так и не научилась, и, когда сталкиваюсь с этим, мне больше всего хочется разреваться.

– Я наверняка смог бы научить вас правильно сворачивать карту, – сказал Ричард, – это совсем нетрудно, просто нужен некоторый навык.

Казалось, глаза у Лоры даже немного сдвинулись к переносице, так сосредоточенно она вслушивалась в разговор.

– Он что же, так и оставил вас на этом судне? – спросила она.

– Нет. Дело в том, что «Грейс» я купила сама, пока он был в отъезде, и истратила на это почти все деньги, какие у нас тогда еще оставались. Мне хотелось, чтобы нам с девочками было где жить.

– И вам действительно нравится на этой барже?

– Да, я к таким судам вполне привыкла. Я ведь выросла в Галифаксе. У моего отца была летняя дачка на берегу озера Бра д'Ор. Там у всех какое-нибудь судно имелось.

– Надеюсь, у вас в данный момент нет проблем с ремонтом? – поинтересовался Ричард.

– Нет, хотя во время дождя вода вниз затекает.

– Ага, с наветренного борта. А вы не пробовали брезент над палубой натянуть?

Но как Ричард ни старался, он никак не мог уразуметь, как можно жить, если у тебя в доме постоянно что-то не в порядке?

– Хотя лично я сомневаюсь, – сказал он, – стоит ли без конца ремонтировать старые баржи. На мой взгляд, их следует сразу воспринимать как убыточное имущество. Пусть себе догнивают потихоньку год за годом, зато вы всегда будете знать, сколь малы были ваши затраты на содержание такого плавучего дома. Ну а через несколько лет прилив попросту унесет прочь его жалкие останки, стоимость которых к этому времени упадет уже ниже нуля.

– Просто не представляю, а нам-то где тогда жить? – вздохнула Ненна.

– Но вы же, по-моему, говорили, что хотите подыскать что-нибудь на берегу?

– Хотеть-то мы, конечно, хотим...

– Ох, простите, если мой вопрос вас расстроил...

А Лора между тем, без особого желания прислушиваясь к их разговору, продолжала опустошать один стакан джина за другим. Впрочем, алкоголь пробуждал в ней скорее любопытство, чем враждебность.

– Где это вы раздобыли такую чудесную шерстяную фуфайку? – спросила она у Ненны.

На обеих женщинах были толстые темно-синие свитеры, какие обычно носят моряки и любители парусного спорта – с довольно широкими, в полдюйма шириной, разрезами внизу вдоль боковых швов. Поскольку в уютном кокпите было очень тепло, Ненна даже рукава закатала, демонстрируя округлые предплечья, покрытые легким золотистым пушком.

– Этот свитер я купила на распродаже, на том конце Куинстаун-роуд.

– Хотя он, пожалуй, не такой толстый, как мой.

И Лора, наклонившись к гостье, забрала в горсть изрядный кусок свитера, большим и указательным пальцами ощупывая плотность вязки.

– Я в качестве таких вещей разбираюсь и сразу могу сказать: он не такой толстый. Ричард, хочешь пощупать?

– Нет, боюсь, я в таких вещах разбираюсь плоховато.

– Тогда прибавь, пожалуйста, нагрет. Да поверни же регулятор печки, идиот! Ненна просто замерзает!

– Нет-нет, мне очень тепло, спасибо...

– А по-моему, вам необходимо согреться! Ричард, ты забываешь, что Ненна – твоя гостья!

– Я, конечно, могу еще прибавить, *если тебе угодно*, – с некоторым нажимом произнес Ричард. – Я могу хоть до отказа регулятор повернуть.

– Да нет, не нужно ничего прибавлять! – поспешно заверила его Ненна.

Она прекрасно понимала: если бы с его стороны это не выглядело как предательство, он бы напрямую попросил ее что-нибудь сказать или сделать, и поэтому сразу заговорила:

– Знаете, на нашем конце причала в качестве топлива используется практически все. Куски плавника, выброшенный на берег уголь, вообще все, что может гореть. Морис рассказывал, что прошлой зимой ему пришлось позаимствовать на «Дредноуте» свечку, чтобы разморозить замок на двери той сараюшки на палубе, где он топливо хранит. А в другой раз, когда у него был в гостях один из его приятелей, ему никак не удавалось разжечь на камбузе плитку, и в итоге он был вынужден использовать в качестве растопки горстку спичек и деревянных шпажек для сыра.

– Совершенно порочная идея – держать топливо на палубе, – заметил Ричард.

Лора теперь прислушивалась к их разговору с каким-то болезненным интересом, а потому спросила:

– А разве шпажки для сыра горят?

– Морис считает, что очень даже неплохо.

На мгновение Лора исчезла, и у Ненны как раз хватило времени, чтобы сказать: «Мне пора идти», но тут Лора снова появилась, слегка покачиваясь, но все же стараясь держать фасон, и в руках у нее была большая жестянка с сырными шпажками.

– Куплено, между прочим, у Фортнума¹⁹, – объявила она.

А потом, обойдя Ричарда, который, разумеется, тут же вскочил, заметив, что жена что-то несет, щелчком открыла жестянку и высыпала золотистые деревянные шпажки прямо на докрасна раскаленный обогреватель.

– Вот теперь действительно жарко!

Шпажки мгновенно вспыхнули, распространяя мощную вонь подгорелого сыра.

– Просто прелесть! А как тепло! И у меня еще много таких есть! Наш камбуз этими шпажками просто битком набит! Сейчас мы заставим Ричарда все их принести и бросим в огонь. Да, сейчас мы их дружно бросим в огонь!

– Кто-то идет, – забеспокоилась Ненна.

На палубе послышались шаги, и Ненна, точно жертва осады, испытала невероятное облегчение, узнав решительную поступь своей младшей дочери. Впрочем, там были слышны и еще чьи-то шаги, крупные, тяжелые. Ненна резко обернулась, чуть не свернув себе шею.

– Ма, тут у вас чем-то горелым пахнет!

После короткой, но яростной схватки с женой Ричарду удалось перехватить жестянку со шпажками, а Ненна подошла к трапу и спросила у дочери:

– Кто это там с тобой, Тильда?

На верхней ступеньке трапа появились ножки шестилетней Тильды в резиновых сапогах, покрытых коркой засохшей грязи.

¹⁹ «Фортнум и Мейсон» – большой магазин на Пиккадилли-стрит, рассчитанный на богатых покупателей; основан в 1707 г. и назван по имени своего первого владельца У. Фортнума, придворного лакея королевы Анны, 1665–1714 г.

– Это отец Уотсон.

И, поскольку смущенная Ненна слегка замешкалась с ответом, Тильда завопила во весь голос:

– Ма, ты что? Это же наш старый добрый пастор! Он заглянул к нам на «Грейс», а я привела его сюда.

– Отец Уотсон вовсе не старый, Тильда. Проводи его, пожалуйста, сюда. То есть...

– Ну, разумеется, – поспешил поддержать ее Ричард. – Вы ведь выпьете с нами виски, святой отец? – Он не знал человека, с которым разговаривал, но, судя по фильмам, мог предположить, что священники Римско-католической церкви виски, безусловно, пьют, а также любят рассказывать длинные истории, что вполне может оказаться полезным в сложившейся ситуации. Ненна была искренне восхищена тем, как уверенно и спокойно держится Ричард, и думала, что сейчас, пожалуй, с удовольствием бросилась бы ему на шею.

– Нет, я никак не смогу к вам присоединиться, но все равно большое спасибо! – крикнул сверху отец Уотсон, и его хлопающие на ветру брюки появились в проеме люка рядом с «веллингтонами» Тильды. – Миссис Джеймс, можно вас на два слова? Впрочем, если вы заняты или это еще по какой-то причине неудобно, я с легкостью подожду более подходящего случая.

Однако Ненна уже поднималась к нему по трапу, чем несколько его удивила; надо сказать, отец Уотсон редко чувствовал себя по-настоящему желанным гостем. Начинало моросить, и на его длинном макинтоше блестели мелкие капельки дождя, в которых отражались и береговые огни, и огни на палубе судна, стоявшего на якоре и покачивавшегося на волнах прилива.

– Боюсь, ваша малышка промокнет, – заметил отец Уотсон.

– Ничего, она у нас водостойчивая, – успокоила его Ненна.

Едва они сошли на причал, как отец Уотсон размеренно и неторопливо принялся излагать цель своего посещения «Грейс»:

– Я ведь, собственно, пришел по поводу ваших детей, как вы, должно быть, уже догадались. Письмо из монастырской школы от сестер-воспитательниц, письмо из монастыря Милосердия Господня... – Отцу Уотсону порой приходило в голову, что выполнение подобных неприятных поручений удавалось бы ему гораздо лучше, если бы он обладал, скажем, ирландским акцентом или еще какой-нибудь оригинальной особенностью речи. – Ваши девочки, миссис Джеймс... вот эта, Тильда, и вторая, ей, кажется, двенадцать...

– Марта.

– Какое очаровательное, радостное имя! Марта взяла на себя хлопоты по дому во время посещения Лазаря Господом нашим²⁰. Только ведь, по-моему, святой с таким именем нет?

Похоже, все эти слова отец Уотсон произносил почти машинально. Да и вряд ли стоило тащиться в такую даль, покинув свой, пусть и не слишком уютный, домик священника, только затем, чтобы обсудить имя «Марта».

– Впрочем, во время конфирмации, я полагаю, девочка получит другое имя. А конфирмацию вам бы не следовало надолго откладывать. Я бы предложил, скажем, Стелла Марис, Морская Звезда, раз уж вы решили поселиться здесь, на поверхности вод...

– Святой отец, вы ведь, наверное, пришли с жалобой на то, что девочки плохо посещают школу?

Они уже добрались до того конца причала, который был освещен особенно плохо. Хозяин пивоваренного завода, которому принадлежала эта территория, обуреваемый идеей – как и все пивовары 1960-х годов – возродить те увеселения, что, согласно их предположениям, были свойственны восемнадцатому веку, испросил разрешения превратить запущенный участок земли в модный пивной сад. Однако подобная идея уже сама по себе противоречила духу

²⁰ Имеется в виду притча о воскресении Лазаря. Марта (Марфа) – сестра Лазаря и Марии. – Евангелие от Луки, 10, 38–41; Евангелие от Иоанна 11, 1–40.

затона Баттерси-Рич, насквозь промокшего, исполненного меланхолии, но стойко противостоящего трудностям. Когда же все эти грандиозные планы были отправлены в долгий ящик, территорию сдали в аренду хозяевам различных недолговечных мастерских и складов, о деятельности которых свидетельствовали полуразвалившиеся сараи, ангары и навесы, все еще, должно быть, являвшиеся чьей-то собственностью, а также груды упаковочных клеток с выпцветшими надписями, сделанными по трафарету.

Однако эта территория, заброшенная и кишасящая крысами, по-прежнему относилась к причалу. Здесь был тот самый участок берега, где призраки Вергилия простирали руки, страстно, но тщетно стремясь перебраться через реку, где Данте, человеку живому, перевозчик отказал в переправе и где останки дощатого настила как бы обозначали место встречи суши и воды; именно в таком месте, безусловно, стоило остановиться и поразмышлять над смыслом жизни, даже если перед этим ты, подобно отцу Уотсону, споткнулся в темноте о десятигаллонную канистру с креозотом.

– Боюсь, я не привык к столь слабому освещению, миссис Джеймс...

– А вы смотрите на небо, святой отец. Старайтесь смотреть на самую светлую его часть, и ваше зрение понемногу адаптируется.

Тильда давно уже умчалась вперед; она и в полной темноте чувствовала себя как дома в любом месте, где рядом была видна и слышна вода. Чувствуя, что уже отдала священнику долг вежливости – а этого всегда настоятельно требовали от нее и мать, и старшая сестра, – Тильда неслышно перебежала по сходням на палубу «Мориса», а потом, лишь чуточку замешкавшись в темноте, отыскала и те сходни, что соединяли «Мориса» с «Грейс».

– Вы меня извините, миссис Джеймс, но дальше я, пожалуй, не пойду. Вы были правы: более всего нас беспокоит нерегулярное посещение вашими девочками школы. Видите ли, ситуация, как мне объяснили, такова, что возникают проблемы с законом...

Господи, вот бедняга, думала Ненна. Как же его удручает необходимость говорить ей подобные вещи! И как все это, должно быть, далеко от тех ожиданий, какие он питал, когда стал священником и впервые преодолел две низшие ступени духовной иерархии, окончательно смирившись со своей новой судьбой и отрекшись ото всего земного! Стоит, бедолага, с несчастным видом на окутанном густыми сумерками грязном причале, больно ударившись о бидон с креозотом, и пытается играть роль даже не монастырского капеллана, а обыкновенного чиновника из отдела школьного образования!

– Я знаю, святой отец, что мои дочери в последнее время нерегулярно посещали школу. Но, с другой стороны, они ведь болели.

Вряд ли можно было ожидать, что подобное вранье запросто проглотит даже такой смиренный человек, как отец Уотсон. И он, естественно, возразил:

– Однако меня просто поразила крепость духа и тела, свойственные вашей младшей дочери. По-моему, она совершенно здорова. У меня даже мелькнула мысль, что неплохо бы ей впоследствии пройти обучение в одной из этих женских вспомогательных служб, которые так хорошо себя проявили во время войны – я имею в виду, разумеется, WRENS²¹. Работа в таких организациях отнюдь не является несовместимой с жизнью истинного христианина.

– Но ведь с детьми, знаете ли, всегда так: сегодня ребенок абсолютно здоров, а завтра уже заболел. – Ненна отличалась довольно гибким отношением к понятию «правдивость»; в этом плане у нее было куда больше сходства с Уиллисом, чем с Ричардом. – И с Мартой все примерно так же, что, кстати, вполне естественно в ее переходном возрасте.

Ненна надеялась хоть немного смутить или встревожить священника своими намеками на приближающийся пубертатный период в жизни Марты, однако его это, похоже, только воодушевило.

²¹ Women's Royal Naval Service – женская вспомогательная служба ВМС.

– Если именно это вас беспокоит, то вам лучше всего поручить девочку заботам умелых и понимающих сестер. – «До чего же все-таки у него затравленный вид!» – думала Ненна. – Они, кстати, выражали надежду, что уже в следующий понедельник увидят в классе обеих ваших дочерей.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Вот и отлично, миссис Джеймс.

– Разве вы к нам не зайдете?

– Нет, нет, я бы не хотел второй раз рисковать и перебираться по этим сходням. – «Интересно, а что с ним случилось в первый раз?» – подумала Ненна. – Боюсь, я уже и без того несколько утратил чувство направления, так что вынужден просить вас показать, как мне снова выбраться на сушу.

Ненна не только проводила его кратчайшим путем прямо на набережную – через ворота, болтавшиеся на проржавевших петлях и давно уже ни для кого не служившие препятствием, – но и подсказала, где ему нужно свернуть сперва налево, потом направо, а уж затем по Партизанской улице выйти прямо на Кингз-роуд. Прощаясь со священником, она заметила, что на лице у него написано прямо-таки невероятное облегчение, как если бы ему удалось успешно завершить труднейшую миссию, посетив обитателей подземных вод.

– Мам, я ужин приготовила, – сообщила Марта, когда Ненна вернулась на «Грейс». Она чувствовала, что нравилась бы себе куда больше, если б походила на старшую дочь. Однако Марта, маленькая, худенькая, с темными глазами, в которых уже отчетливо отражалось ее спокойное отношение к недостаткам окружающего мира, на мать была совсем не похожа, а на отца – и еще меньше. Она давно преодолела тот критический рубеж, когда дети осознают, что их родители младше них самих. – Я печеные бобы разогрела, но если отец Уотсон тоже будет с нами ужинать, придется еще одну банку открыть.

– Нет, дорогая, он домой пошел.

Ненна, чувствуя себя ужасно усталой, присела на кильсон, тянувшийся вдоль всей плоской баржи. Да, думала она, это большая ошибка – докатиться до того, чтобы почти полностью зависеть от собственных детей.

Марта уверенно возилась на камбузе, где имелась и газовая плита с двумя конфорками, присоединенная к обогревателю, и медная раковина с краном. Вода в кран поступала из расположенного на палубе бака, который раз в сутки наполнял служитель из Управления портом. Кухонные заботы всегда требовали от Марты известной импровизации, вот и сейчас она построила три жестяных тарелки над исходящей паром сковородкой с бобами, чтобы согрелись.

– Весело было на «Лорде Джиме»?

– Ну что ты! Совсем нет.

– А как ты думаешь, мне бы там понравилось?

– Думаю, что нет. Миссис Блейк высыпала в обогреватель шпакли для сыра, и они загорелись.

– И что на это сказал мистер Блейк?

– Ничего. Он хочет, чтобы она была счастлива, хочет... сделать ее счастливой. В общем, я не знаю.

– А чего от нас хотел отец Уотсон?

– Разве он с тобой ни о чем так и не поговорил?

– Он-то, может, и собирался со мной поговорить, да только я сразу же отправила его вместе с Тильдой тебя искать; ей, кстати, невредно было прогуляться.

– Значит, он ничего тебе не сказал?

– Понимаешь, как только он сюда спустился, я тут же налила ему чашку чая, и мы вместе прочли покаянную молитву.

– Он хотел знать, почему ты в последнее время в школу не ходишь.

Марта вздохнула.

– Я все это время твои письма читала, – призналась она. – Они у тебя по всей каюте валяются, а ты сама в них даже не заглядываешь.

Эти письма служили для Ненны связующим звеном не только с сушей, но и с ее прошлой жизнью. Все они почти наверняка были из Канады, от ее сестры Луизы, которая, скорее всего, сообщала о том, что намерена «встряхнуть» кое-какие старые знакомства, когда проездом окажется в Лондоне, или о том, что хорошо бы подыскать подходящую семью для «очень милого австрийского мальчика», не намного старше Марты, отец которого, кажется, граф, однако занимается каким-то крутым импортно-экспортным бизнесом; а может, Луиза пыталась вспомнить «одного чудесного человека», близкого друга кого-то из ее друзей, у которого в жизни была «очень, очень печальная история». Кроме писем от Луизы там, конечно, нашлась бы и парочка счетов, вряд ли больше, потому что кредитов Ненна никогда не брала, а также, возможно, открытка от какой-нибудь школьной подруги, начинающаяся словами «Спорим, ты меня не помнишь», и несколько листовок, призывающих участвовать в благотворительности – эти листовки отец Уотсон постоянно рассылает даже по таким малообещающим адресам, как баржа «Грейс».

– От папы что-нибудь есть?

– Нет, мам, это я в первую очередь проверила.

Что ж, больше тут и сказать было нечего.

– Ох, Марта, голова у меня просто раскалывается. Печеные бобы в таких случаях – самое оно.

На камбуз спустилась Тильда, мокрая с головы до ног и прямо-таки черная от грязи.

– А Уиллис мне рисунок подарил!

– И что там нарисовано?

– «Лорд Джим», а еще разные чайки.

– Тебе не следует принимать такие подарки.

– Ой, так я ему один рисунок уже обратно отдала.

Оказалось, что Тильда ждала на «Дредноуте» прилива, чтобы посмотреть, сколько воды попадает внутрь в месте основной протечки. Она сообщила, что вода в каюте поднялась очень высоко, почти на высоту койки Уиллиса, чуть одеяла не замочила. Ненна была искренне огорчена этим, и Тильда попыталась ее успокоить:

– Ну, мама, ведь при отливе вся вода непременно уйдет! Хотя Уиллису придется показывать судно покупателям только во время отлива, а потом быстренько уводить их на берег, пока снова прилив не начался.

– Вообще-то, он мог бы его немного и подремонтировать, – заметила Марта.

– Нет, сама Судьба против него ополчилась, – решительно заявила Тильда. Затем проглотила пару ложек печеных бобов, положила голову на стол и мгновенно уснула. Впрочем, купать ее все равно было нельзя: грязную воду разрешалось спускать только во время отлива.

А сейчас как раз набирал силу прилив. Туман рассеялся; видневшаяся на северо-востоке, на Лотс-роуд, электростанция выпустила из четырех своих фантастически огромных труб длинные перья жемчужно-белого дыма, и теперь этот дым медленно стекал на землю, приобретая неприятный бурый оттенок. Ярko горели береговые огни, а у самого берега на поверхности широкой полосы воды то и дело возникали многочисленные воронкообразные вихри, выдавая местонахождение тех предметов, которые река оказалась не в состоянии скрыть. Если бы на старой Темзе по-прежнему жили ремесленники и осуществлялся торговый обмен, если бы лодочники по-прежнему получали неплохой приработок, очищая карманы утопленников, то близился бы как раз их час. И словно усугубляя драматизм сцены, по прозрачному темно-фиолетовому небу плыли и плыли в вышине тяжелые осенние облака.

После ужина они еще немного посидели при свете очага. Ненна страдала от неприятной необходимости все-таки написать Луизе, которая была замужем за успешным бизнесменом. Письмо она начала так: «Дорогая сестренка, скажи своему Джоэлю, что для моих девочек неплохим образованием является уже одно то, что они живут и учатся в самом центре британской столицы, причем на берегу той великой исторической реки, что пересекает весь Лондон...»

Глава вторая

Тильда торчала на верхушке мачты. Да, на «Грейс» была пятнадцатифутовая мачта из почерневшей сосны, укрепленная в табернакле, так что легко опускалась на палубу в те времена, когда баржа еще курсировала между Ричмондом и морским побережьем, проплывая подо всеми двадцатью восемью мостами. Бизань и шпринтов на «Грейс» отсутствовали, да и имеющаяся фок-мачта вовсе не предназначалась для того, чтобы на нее забираться, но Тильда все-таки забиралась и подолгу сидела «на верхотуре», хотя сидеть там было явно не на чем.

Марта, не менее храбрая и решительная, чем сестра, тоже иногда залезала на мачту и, повиснув примерно на фут ниже Тильды, читала вслух какой-нибудь комикс-ужастик. Но сегодня Тильда оказалась там одна, как всегда оглядывая сверху окрестности и следя за постоянно кренившейся палубой, угол которой менялся в зависимости от того, провисали или натягивались швартовы. С верхушки мачты отлично просматривался и равнодушно-бездейственный берег, и полные тайн воды реки.

Будущее Тильду абсолютно не интересовало, и в результате ей была дарована великолепная способность уже в настоящем чувствовать себя счастливой. В данный момент, например, она казалась себе совершенно счастливой.

Она ждала, когда переменится приливная волна. Точно напротив «Грейс» в стоячей воде спокойно лежала целая груда упаковочных клетей, некогда привезенных по бесконечным извилистым дорогам за двадцать миль из Грейвзенда, и эти клетки были явно заколдованными, ибо никогда даже на дюйм не сдвигались ни в ту, ни в другую сторону. Вот лихтеры²², например, качаясь на якорях, то и дело вертелись в разные стороны и были совершенно беспомощны, не обладая соответствующими инструкциями относительно приливов. А еще было очень странно видеть, как быстро движутся по небу облака, а вода внизу остается абсолютно неподвижной.

Тильда дважды моргнула, рискуя пропустить самую важную для нее пару секунд, но все же успела заметить, как край одной из упаковочных клетей начал медленно, словно украдкой, отползать от основной груды и потихоньку огибать ее, описывая полукруг. Тильда, затаив дыхание следившая за этим, позволила себе набрать в легкие воздуха. Дрожь прошла по канатам и якорным цепям судов, лихтеры, только начавшие движение, сразу же стукнулись металлическими бортами и сбились в кучку. Прилив сменялся отливом. Скопившийся у берега плавник какое-то время еще продолжал двигаться вверх по воде, подгоняемый приливной волной, но отлив уже начинал стонять его к середине реки, снова направляя всю эту довольно плотную массу в сторону моря вместе с повернувшей туда Темзой.

Уиллис не раз рассказывал Тильде, что на таких старых баржах, как у них, раньше имелись огромные паруса, однако в большой команде эти суда совершенно не нуждались – вполне хватало двух человек, скажем, одного взрослого мужчины и одного мальчика, и эти двое легко со всем своим хозяйством справлялись. В те времена паруса на речных баржах были коричневыми, как сама земля, и настолько пропитанными маслом, что, казалось, никогда до конца не просыхали. Теперь таких парусов уже не осталось. Впрочем, «Грейс» паруса не понадобились бы ни для того, чтобы выйти в море во время отлива, ни для того, чтобы достигнуть Лондонского порта. Благодаря плоскому днищу, она легко поднялась бы вверх по реке вместе с приливной волной, выключив все двигатели и всего лишь умело используя подводные течения. И тому шестилетнему мальчику все эти течения и опасные повороты были хорошо известны. Он давно уже изучал тайны Темзы. Никто, кроме него, не заметил бы блеснувшего золотом и бриллиантом перстня на пальце мертвого мужчины, рука которого на мгновение

²² *Лихтер* – самоходное морское судно для перевозки грузов и для беспричальных операций при погрузке-разгрузке на рейде глубокосидящих судов, которые не могут войти в порт.

вынырнула из воды. Прощай! Он узнал эту руку: она принадлежала его отцу, давно исчезнувшему. Тогда «Грейс» со своей грузоподъемностью 180 тонн легко проходила даже под низкими арками мостов у берегов Миддлсекса, где не могли пройти другие суда, равные ей или превосходившие ее размерами. У моста Тауэр-Бридж сигнальные диски, имевшие четыре фута в диаметре и разрисованные черными и белыми полосами, показывали уровень воды по отношению к берегу, и если вода добиралась до отметки «четырнадцать футов», это означало, что мост невозможно поднять по техническим или каким-то иным причинам. В таких случаях пройти там могла только «Грейс» – не «Морис» и даже не «Дредноут», – и это было поистине незабываемое зрелище. Толпы людей, мужчин и женщин, выходили полюбоваться, как «Грейс», расправив большие коричневые паруса, поднимается вверх по реке, и у ворота лебедки стоит при этом всего лишь шестилетний ребенок, а сама баржа, направляясь в Ушант, уже, казалось, чует запахи открытого моря.

У подножия мачты Тильда слышала царапанье. Это кошка с облепленной пухом и перьями чашек мордой предпринимала тщетные попытки взобраться по стволу мачты, но через пару футов когти у нее соскальзывали, и она падала на палубу.

– Страйпи!

Корабельная кошка Страйпи была плоть от плоти Баттерси-Рич. Она даже передвигалась по-моряцки, плотно «прилипая» брюхом к палубе, напряженная как пружина и готовая к любым фокусам непогоды. Уши Страйпи всегда прижимала к голове так плотно, что они были почти незаметны.

Но, хотя за все эти годы Страйпи не утратила самоуважения и постоянно старалась вылизать себя дочиста, ее все же покрывал довольно плотный слой грязи, причем как на брюхе, так и на холке. Однако прихорашиваться она никогда не переставала. Страйпи приходилось вечно к чему-то приспосабливаться, причем не только к приливам, отливам и сезонным сменам погоды, но и к крысам, с которыми она регулярно встречалась и на верфях, и на причале. Пока крысы не достигали определенного размера – а они достигали его уже через несколько недель после появления на свет, – Страйпи ловила их и съедала, а затем, инстинктивно чувствуя безусловное собственное превосходство, приносила в каюту крысиные хвосты и складывала к ногам Марты. Все прочие крысы, превосходившие упомянутый размер, сами на нее охотились, и в результате Страйпи постоянно испытывала неуверенность в том, нападать ей или спастись бегством, из-за чего кошачий рассудок начал страдать определенной нестабильностью.

Страйпи не заботило, будут ли люди ее кормить, в этом отношении она проявляла полную самостоятельность и прекрасно знала, как согреться в холодную погоду. Спала она обычно на палубе одной из барж, возле дымовой трубы, где обычно было грудой навалено разнообразное топливо. Иногда, впрочем, она сворачивалась клубком прямо на выходном отверстии, создавала непреодолимое препятствие для дыма, который, естественно, возвращался обратно, делая жизнь обитателей баржи совершенно невыносимой. Эта неприятная привычка Страйпи привела к тому, что Вуди, Уиллиса, Ненну, Мориса, а также клиентов Мориса одолевал порой мучительный надсадный кашель; впрочем, кошка постоянно меняла место ночлега и редко проводила две ночи подряд на одном и том же судне.

Сидя на мачте, Тильда воображала себя то мореплавателем, вышедшим на «Грейс» в открытое море, то начальником порта, который внимательно следит за причалом и пришвартованными судами. Собственно, основой ее представлений об окружающем мире служило именно то, что она видела у причала и в затоне, и, в общем, представления эти имели крайне малое отношение к жизни того огромного города, неустанно трудившегося всего в сотне ярдов от «Грейс».

На палубе «Лорда Джима» она никакого движения не заметила. Зато увидела на причале Уиллиса, который направлялся к «Дредноуту» вместе с каким-то человеком, наверное,

чиновником Управления, который, судя по его сердитой жестикуляции, отказывался обеспечить Уиллиса варом, газом и водой, пока тот не оплатит предыдущие счета.

А вот владелец «Рочестера» Вуди, видимо, опять готовился на всю зиму «залечь в берлогу». Пожалуй, думала Тильда, он все-таки единственный *ненастоящий* обитатель плавучих домов. Принадлежавшая Уиллису маленькая звукозаписывающая компания, как он сам объяснял и даже, пожалуй, слишком часто, «самоликвидировалась», однако и теперь средств у него хватало, чтобы существовать более-менее достойно, так что холодную зиму он собирался провести в собственном доме в Перли. Понятие более-менее достойного существования казалось обитателям северного конца причала довольно-таки странным. Тем более Вуди еще и поговаривал о том, чтобы *нанять работников*, которые как следует отскребли бы корпус «Рочестера» и сделали его таким же чистым, как у «Лорда Джима». Все старые баржи были покрыты толстым слоем различных представителей морской флоры и фауны, поэтому даже просто добраться до деревянной обшивки было весьма затруднительно. Борта у них поросли таким количеством зеленых водорослей и всевозможных ракушек, что проплывающие мимо киты вполне могли бы их приветствовать как своих сородичей.

На палубе «Мориса» тоже никого видно не было, но Тильда знала, что Мориса, как это случалось довольно часто, пригласили на весь день в Брайтон. Но, присмотревшись, девочка заметила, что дверь его рубки не заперта. А вскоре на причал въехал легкий грузовичок, из него выпрыгнул какой-то человек и прямо с причала стал одну за другой сбрасывать на палубу «Мориса» какие-то картонные коробки. Одна из коробок от удара раскрылась, и Тильда увидела, что она битком набита фенами для волос. Заметив это, незнакомый тип был вынужден перебраться на палубу и аккуратно сложить коробки. Их бы хорошо еще и куском брезента накрыть, подумала Тильда, хотя брезент он, похоже, с собой захватить забыл. Да и вообще этот тип явно старался особо на палубе не задерживаться и, сложив коробки, сразу поспешил к грузовику. Только тогда девочке и удалось мельком разглядеть его лицо, которое оказалось довольно странным: очень бледным и начисто лишенным какого бы то ни было выражения. Вполне возможно, смену выражений лица этот тип считал чем-то необязательным, входящими, так сказать, в число дополнительных услуг.

Вскоре мимо «Мориса» вновь прошел Уиллис, двигавшийся, как всегда, неторопливо. Он остановился, с удивлением рассматривая груды коробок, высившуюся на палубе, даже головой недовольно покачал, но почему-то так ничего и не предпринял. Ненна вполне могла бы прибавить к своему списку «вещей, которые мужчины умеют делать гораздо лучше женщин», подобное умение вести себя столь же неторопливо и достойно в весьма неоднозначной ситуации и ровным счетом ничего не предпринимать. Но как, с другой стороны, Уиллису следовало на появление этих коробок отреагировать? Да никак – ведь Морису вряд ли захотелось бы видеть у себя на борту полицию!

– Эй, на судне! – крикнул Уиллис Тильде. – Ты там осторожней!

Тильда и без него очень даже хорошо знала, какой опасной может быть эта река. И хотя девочка давно уже стала, можно сказать, автохтонным обитателем старых барж и с искренним состраданием относилась к жалким обитателям фешенебельного Челси, в жизни которых явно не доставало приливов и крыс, но к реке она всегда питала огромное уважение и понимала, что здесь можно запросто погибнуть даже рядом с набережной.

Однажды весенним вечером голландская баржа Waalhaven, пришедшая из Роттердама, импозантная, самоходная, так и сверкавшая медью, бросила якорь почти на середине реки, как раз напротив тамошних плавучих домов. Она, должно быть, прошла таможенную проверку в Грейвсенде, а потом вместе с приливом поднялась сюда. Рядом с этим прекрасным судном «Морис», который тоже был родом из Роттердама, выглядел бедным родственником.

Да и остальные старые баржи, точно вросшие в берег, казалось, смотрят на Waalhaven с тоской узников, следящих за своими гуляющими на свободе собратьями.

Команда голландской баржи выстроилась на палубе, и у всех моряков были такие серьезные лица, словно им предстояла важная деловая встреча, провести которую следовало безупречно; впрочем, выглядели эти бизнесмены в резиновых морских сапогах, как всегда, гармонично.

Сразу после файв-о-клок хозяин Waalhaven, подойдя к поручням, крикнул хозяину «Мориса», чтобы тот прислал за его людьми шлюпку и помог переправить их на берег. Но поскольку никакой реакции не последовало, бизнесмен из Роттердама понял, что оказался в местах, лишенных даже самых элементарных удобств, и удалился, дабы посоветоваться со своими. Затем, когда уже наступали сумерки, а прилив быстро усиливался, трое голландцев все-таки спустили на воду собственную шлюпку и приготовились плыть к причалу. Они, видимо, специально дожидались высокой воды, чтобы пройти бок о бок с другими судами и показать, как поступают цивилизованные люди. Более всего это походило на урок так называемого воскресного спорта, демонстрируемый на небольшой шлюпке. Резиновых сапог голландцы, разумеется, не сняли, но, предвкушая прогулку по городу, взяли с собой цивильную обувь, сложив ее в сумку из промасленной кожи. Наверное, боги реки, решив повеселиться, отняли у них остатки разума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.